

Роман Кузьма

Медвежий угол

Роман Кузьма
Медвежий угол

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Кузьма Р.

Медвежий угол / Р. Кузьма — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Артём Панов возглавляет отряд опричников, выполняющих особые задания при войске князя Мстиславского. Получив весть об аресте своего друга и покровителя Фёдора Басманова, он хочет на пару месяцев укрыться в тайге, пока не утихнет гнев государев. Подозрительное поведение лопарей, населяющих окрестные леса, служит ему вполне убедительным предлогом. Однако неожиданный поворот событий принуждает его пожалеть о принятом решении...

Содержание

МЕДВЕЖИЙ УГОЛ	5
2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

МЕДВЕЖИЙ УГОЛ

1

Опричники добрались до маленькой, в полсотни душ, деревушки пополудни. Затерянная в бескрайних псковских лесах на восток от Чудского озера, она, казалось, уснула крепким сном давным-давно, ещё до монгольского нашествия – да так и не проснулась, потихоньку увядая в своём бесконечном сне. Доносившиеся отовсюду вести о большой войне, о громе пушек и пищалей, о грозном царе, перед которым пал Ливонский орден, едва пробивались сквозь таёжные леса, опоясавшие деревню с прозаичным названием Зюзино. Слухи об особом, опричном войске, которое учредил царь для борьбы с крамолой и изменой, были столь диковинными, что им никто не верил. Не верили, пока опричники, два десятка дюжих парней на добрых конях, вдруг не нагрязнули в Зюзино. Что люди это непростые, стало заметно сразу: не здоровались и не чинились ни с кем, а только били нагайками всех без разбору. У тех, кто не догадался отвернуться или прикрыться руками, на всю оставшуюся жизнь останутся уродливые шрамы на лице – память о царском приветствии.

– Староста ваш где? – злобно бросил сквозь зубы командовавший опричниками Артём Панов. Тридцати лет от роду, с чёрной, как смоль, бородой, одетый в кафтан фризского сукна и шапку, отороченную бобровым мехом, он более походил на разбойничьего атамана, нежели на служивого. На шее у его гнедого жеребца болталась собачья голова с облезлой шерстью и давно вытекшими глазами, а к седлу была привязана метла с обломанным черенком – символ власти, дававшей, как считалось, право, «мести любого». Так же нагло и жадно сверкали глаза и у остальных опричников, привыкших безнаказанно грабить и убивать. Набранные из боярских детей, неподвластные никакому суду, кроме царского, опричники везде и повсюду вели себя дерзко, по-хозяйски.

– Я спрашиваю, староста где? – повысил голос Панов, едва способный совладать со своим горячим жеребцом. Мужики, скинув шапки, молча переминались с ноги на ногу. Наконец, вперёд выступил один, назвавшийся Стёпкой, и указал на избу, стоявшую на небольшом пригорке. Окружённая бревенчатым тыном, та и впрямь выглядела побольше и почище прочих. Подъехав ближе, опричники смогли увидеть и расписное крыльцо, и даже небольшое прозрачное окошко, затянутое слюдой.

– Точно: здесь он, стервец, обретается – окно как у помещика, – Панов добавил несколько ругательств, рассчитывая возбудить в своих подопечных рвение. Те, как и следовало ожидать, разразились смехом и начали слезать с лошадей. Деревенские мужики хмуро молчали, избегая вмешиваться в «приказные» дела, а бабы, толпившиеся за их спинами, перешёптывались:

– Одеты во всё чёрное – чисто вороньё... А головы собачьи видала?.. Да ты на метлу глянь – он, как ведьма, на помеле сидит!.. Точно – собака на метле!..

Что-то из сказанного донеслось до ушей Панова. Побагровев, он скомандовал двоим опричникам:

– Хрипун! Клешня! Уймите баб, чтоб им языки подрезать не пришлось! – Последняя фраза была явно адресована и деревенским мужикам, чтобы они не вмешивались. Хрипунов и Клешнин, верхом растолкав толпу, пустили в дело нагайки. С криками и визгом бабы бросились врассыпную.

Остальные опричники, выломав калитку, запрудили двор. Навстречу им, злобно рыча, бросился огромный лохматый пёс, но его отогнали. Все помнили строгий наказ Панова – собаку не трогать.

– Колычев!.. Молодой! – раздался голос Панова, на мгновение заглушивший собачий лай. – А ну-ка, заткни псину!

Все, в том числе и Колычев, безбородый светловолосый парень, знали о чём идёт речь. Он ещё не был в деле и не имел полагающихся опричникам атрибутов. Надвинув шапку на самые глаза, «молодой» выступил вперёд и достал из ножен саблю. Сверкнув на солнечном свете, лезвие взметнулось и опустилось; собака взвизгнула. Так повторилось несколько раз, пока, наконец, животное не затихло. Побледневший Колычев поднял окровавленную голову, демонстрируя её Панову.

– Ну, молодец, мужиком будешь, – приветствовал его Панов. – А теперь вымети-ка сор из избы!

Опричники, навалившись разом, высадили дверь – та упала вместе с косяком – и ворвались внутрь. Послышался грохот бьющейся посуды и крики женщин.

– Никак, горшками кидается! – заметил Хрипун. – Точно, баба!

– Проверим ещё – улыбнулся Панов. – Мясо прислал гнилое, ответит... А как тебе молодой?

– Все мы были послушниками, – ответил Клешня. – Но саблей – не знаю... На собаку нож есть. Хрипун вон одного голыми руками *отделал*.

– Да какое – руками, – отмахнулся Панов. – Он его сапогами топтал... Но то, что Колька цены сабле не знает, это верно. Совсем, поди, мамкин...

Клешня и Хрипун рассмеялись, вспоминая, что их сперва только так и называли – «мамкины сынки». Опричным традиционно называлось имущество княгини, его освобождали от налогов. Так опричные земли и люди и появились на Руси, постепенно накапливая права и «мамкины» связи. И, порешив учредить опричнину, царь Иван первым делом набрал людей, хорошо знакомых ему по блудным делам. Как такую братию было ещё называть? Но вскоре насмешники утихли – череда казней, следовавших одна за другой, сбила с них спесь. *Отделаны* были князья Оболенские, Троекуров, Катырев, а бояр, помещиков и прочего люду – без счёту.

... Получив тяжёлую оплеуху, из дверей вылетел седеющий мужик средних лет. Судя по всему, это и был староста Савлук. Тут же на пороге появился Андрюша Колычев со злорадной ухмылкой на лице. Панов, видевший такую усмешку не впервые, понял, что опричного полку теперь прибыло. Он спешил и, оставив коня на попечение своих телохранителей, прошёл во двор. Не слушая оправданий Савлука, он могучей десницей сбил того наземь.

– Мясо прислал гнилое, стервец? Государевым людям? – Взяв короткий разбег, Панов пнул изо всех сил лежащего в грязи Савлука в брюхо. – А ежели его сам государь ел и отравился? Что скажешь?

Схватив Савлука за грудки, Панов рывком поднял его на ноги.

– Да я...

– Знаю я всё, подлая твоя душа! Поди, пару шкур дал кому надо, чтоб всё нормально прошло! Вор! Цареубийство замыслил!..

Новый удар, пришедшийся точно в нос, принудил Савлука покатиться по земле. Панов, схватив старосту за шиворот, позвал Колычева:

– Андрюша, есть там метла? Сейчас будешь ею старосту драть, пока он жену свою не предложит!..

Утром следующего дня, натешившись вдоволь, опричники оставили Зюзино. Мёртвый староста, прибитый к собственному забору, остался гнить, пока, как наказал Панов, не протухнет, как «то мясо». Жену его, ведьму, и двух сыновей тоже не пожалели; лишь малых детей, попечение над которыми взял новый староста Степан Петрович, оставили в живых.

2

Бивак, разбитый в таёжном лесу, был на удивление тихим – казалось, зло, которому служили опричники, пресытилось и спряталось, забилось куда-то в укромные закоулки души. Потухшие взгляды, немногословные, брошенные раздражённым тоном, фразы – это выдавало в них обычных людей, подверженных усталости так же, как и все остальные. Выплеснув в Зюзино энергию, накопившуюся за время праздного пребывания при войске, они почти совершенно успокоились. Дневной переход окончательно лишил их сил, и теперь, отдохнув чуток, опричники взялись за удовлетворение самых прозаичных нужд: кормили и чистили лошадей, чинили сбрую, готовили ужин.

Андрей Колычев, отныне ставший «иноком», то есть монахом государственной службы, погладил Спорую, свою чалую кобылу, по носу. Та беспокойно пряла ушами и то и дело фыркала – её беспокоила висевшая на шее собачья голова, которая до сих пор источала противный, сладковатый запах крови. Подумав немного, Андрей снял омерзительное украшение и надёжно спрятал до утра, а лошади одел на морду сумку с овсом. Спорая с явным удовольствием захрустела зерном и вскоре пришла в себя.

Проверив коновязь, Андрей вернулся в лагерь. На ужин была ячневая каша с маслом, сытная и горячая. Панов, снова похвалив всех за «дело», разрешил выпить. Колычев, выполнявший обязанности виночерпия, налил всем вина из общего меха, который купил на собственные деньги. Выпив, опричники заулыбались и разговорились.

Панов, едва различимый в сумерках, прошёл к огню и прочистил горло, привлекая к себе внимание. Все остальные тут же умолкли.

– Братья опричники! Все вы, я уверен, горите желанием вернуться к славному войску князя Мстиславского, которого государь назначил воеводой, дабы покарать супостата, дерзнувшего ступить на святую землю Руси...

Панов сделал паузу и обвёл присутствовавших проникновенным взором, демонстрируя всем пример желания обрушить карающую длань на заклятого врага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.